

ТРОПОЮ
ИСПЫТАНИЙ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Наш путь идет к холодным берегам Охотского моря. Над Становым. Шантарские острова — с высоты птичьего полета. Заглянем в биографию Кучума

Поезд, монотонно постукивая колесами, уходит все дальше и дальше на восток. Мелькают сибирские села, заснеженные полотна пашен и лугов, березовые рощи. То вдруг из-за глубоких оврагов выползет бугристая степь, исписанная стежками заячьих и козьих следов, то подступит к дороге могучая тайга, убранный гирляндами пушистого снега, и паровоз, разбрасывая клочья дыма, с веселым посвистом пронесется, переключаясь с голосистым эхом.

В окно купе, разрисованное узорами февральского мороза, заглядывает тощий месяц. Все мои спутники, утомленные сборами последних дней, спят. А я продолжаю бодрствовать. Мысли блуждают где-то далеко. Воображению рисуются неприступные вершины, возвышающиеся над глубокими цирками¹, бурные реки, проложившие себе путь по дну мрачных ущелий, дремучая тайга, бесконечные походы, ночевки у костра...

Достаю тетрадь, втиснутую в брезентовую корочку и предназначенную для дневниковых записей. На чистые страницы не легла еще ни одна строка, на них не сделано ни одного рисунка. Я и сам еще не могу предугадать, какими событиями заполнятся листы дневника. Открываю тетрадь и посередине страницы пишу:

«Сбылась мечта, мы едем к берегам Охотского моря.

2 февраля 1949 года».

Обширный край, прилегающий к Охотскому морю и пересеченный громадами хребтов Джугджура и Джугдыра, а также восточной оконечностью Станового, давно привлекал внимание исследователей. Туда редко заглядывал пылливый глаз разведчика недр. Отдаленные времена не оставили там после себя ни насыпных курганов, ни других памятников древней или более поздней культуры. Людские потоки

---

¹ Цирк — горная котловина, замкнутая с трех сторон скалами. (Здесь и далее примечания автора.)

обходили стороною это неведомое, дикое пространство, оно никогда не было ареной человеческой деятельности. Но тем сильнее было наше желание проникнуть туда. Ведь центральная часть этого края и в топографическом отношении является почти белым пятном. Имеющиеся карты весьма бедны подробностями, не отображают действительной картины местности и содержат следы явной незаконченности.

Весть о переезде экспедиции застала нас в Тувинской области, где мы вели геодезические работы. Новое задание обрадовало всех, в ком жила неугомонная натура путешественника.

И вот мы на Дальнем Востоке. Штаб экспедиции расположился в старинном городе Зее. В конце XIX века этот город прославился золотой горячкой. Он был расположен на пути из богатых приисков в жилуху¹. Тогда золото добывали первобытным способом, ценою огромных усилий, а зачастую и жизни. Если старатель не умирал от голода или цинги и ему случалось намыть золотой песок — это было только началом его несчастий. По пути к населенным пунктам его не щадили глухая тайга и бурные реки, а на тропах подстерегали бродяги. Не каждому смельчаку удавалось добраться до города. Здесь старателя встречали на тройках с бубенцами, купали в спирте, выстилали перед ним улицу кумачовыми дорожками. Вокруг вились женщины, авантюристы. Устраивались оргии. Когда же золото переходило в толстую мошну купцов, кабатчиков, содержателей притонов, — старателя, еще не отрезвевшего после буйного разгула, нередко убивали, вывозили за город и сбрасывали на свалку.

Время стерло с города следы позорного прошлого. Он посвежел, вырос и живет, как вся страна, созидательной, трудовой жизнью.

В начале февраля экспедиция была почти в полном сборе. В состав ее входили геодезисты, топографы, астрономы, аэросъемщики и географы. Они должны были создать карту огромной территории, прилегающей к Охотскому морю. Отрядам предстояло осуществить геодезические работы, сделать аэросъемку всего района, определить высоты хребтов, возвышенностей и равнин, распутать истоки рек, проследить тропы, уточнить растительный покров, дать характеристику почвам и собрать разные сведения об этом крае.

Мы понимали, что выполнение этой задачи потребует от участников экспедиции напряжения всех сил.

У нас есть мощные самолеты, новейшие высокоточные инструменты и приборы, хорошее снаряжение, но все это не избавит от неожиданных опасностей при столкновении с дикой природой.

---

¹ Жилухой таежники называют обжитые территории страны.

В этом крае большинство из нас новички. Мы не знаем его климатических особенностей, не знаем, где лежат проходы через хребты и броды через реки; не представляем себе границ тайги, расположения болот и марей. Мы знаем по опыту, что действительность внесет изменения в наши предположения и расчеты, поставит нас перед многими неожиданностями. Кое-что придется решать на месте, в зависимости от обстановки, и рассчитывать только на свои силы. Дикая природа всегда пытается убедить человека в его беспомощности, но она бессильна противостоять человеческому разуму, смелости и упорству.

В штабе экспедиции день и ночь кипит работа, упаковываются продукты, снаряжение, подбирается спецодежда. Стук молотков, звон посуды, несмолкаемый людской говор сливаются в нестройный гул. Царящая на дворе суета, кажется, может растормошить самого большого лентяя, возбудить зависть у бывалого путешественника.

У входа в склад толчется группа парней. Сквозь смех слышится чей-то бас:

— Ты что гутаришь, не выпускают таких номеров? Брюки же нашел на мой рост, значит есть и сапоги. Ищи давай!

— Зря ты, Саша, ко мне пристаешь. Иди с жалобой к начальнику, он рассудит. Да и сам уразумей: сорок пятый размер не лезет на твою ножку, — язвит кладовщик и тут же добавляет: — Говорю, бери резиновые, они растянутся.

У ворот — Петя Дунин. Юноша кончил техникум и впервые едет в тайгу. Он мечтает стать путешественником, прославиться охотой и уже истратил свой первый аванс на покупку ружья. В воображении своем он, вероятно, пережил уже не одну схватку с медведем.

Петя подпирает плечом столб, мнет в руках варежку и украдкой поглядывает на стоящую рядом девушку со светлыми глазами, с длинными косами, перекинутыми на грудь, одетую в легкое темно-коричневое пальто. Она старается держать себя с Петей независимо, даже равнодушно, зная, что за ней следит много любопытных глаз. Они оба молчат, а ведь через час Петя должен уехать далеко и надолго. Наконец он незаметно ловит ее руку и прячет за спину. Лицо девушки стыдливо румянится, она смотрит на юношу преданными глазами и нехотя вырывается. К ним подходят две ее подружки, и светлоглазая, посмелев, бочком льнет к Пете, да так и остаются они стоять, словно две сросшиеся березки.

Вдруг слева, где толпились топографы, коротко пропела гармонь. Все насторожились, двинулись на звук. Гармонист, кудрявый парень, присев на ящик, пустил на нижних рядах плясовую. Все раздвинулись, кто-то вырвался в круг, пошел впрысядку, отбивая ногами частую

дробь и в такт шлепая ладонями по голенищам. А гармонь заливается, зовет. Подошли девушки, и в кругу мелькнула голубая косынка. Плясун, встряхнув ухарски головой, ударил каблуками в мерзлую землю и как бы замер в мелком переборе чечетки.

В маленькой комнате главного инженера Николая Иосифовича Хетагурова душно, хотя никто не курит. Зажатый посетителями в дальний угол, Николай Иосифович целый день не покидает своего места. Стол завален схемами, проектами, фоторепродукциями. Идет распределение участков, о которых никто из присутствующих еще не имеет сколько-нибудь ясного представления.

Тут же прорабы знакомятся с техническими предписаниями, договариваются о встречах в тайге.

— Возьмите от меня реку Маю. Никто же не знает, можно ли попасть туда с Алданского нагорья. А если через Становой не пройти? — убеждает Хетагурова начальник партии Владимир Афанасьевич Сипотенко.

Главный инженер поднимает взгляд от карты, лежащей перед ним, устало смотрит на Сипотенко.

— Удивляюсь, Владимир Афанасьевич! С каких это пор геодезисты стали ставить непременно условием, чтобы у них в районе работ были проторенные тропы?

Так день за днем проходило время подготовки полевых подразделений в далекий путь.

За широкой Зеей багровела тайга, опаленная стужей. С юга уже прорывались немые признаки тепла, но ветер еще пережевывал поземкой сухой бродячий снег и по ночам с неба падал иглистый иней. Подразделения будут заброшены в районы на самолетах. Но прежде нужно подыскать посадочные площадки. Десятого февраля мы и отправились в рекогносцировочный полет. Со мною на борту самолета главный инженер Хетагуров, начальники партий Сипотенко, Нагорных, Лемеш и два прораба — Пугачев и Лебедев. Попутно нам хотелось взглянуть с высоты на тайгу, хребты, на границу суши и моря, на острова, чтобы составить общее представление о территории, где предстояло работать.

Самолет стремительно несся вперед, но нам казалось, будто мы застыли неподвижно в воздухе, а земля лениво проплывает мимо. Под нами лежала Зейская низина, оттененная по холмам яркой зеленью хвойных лесов.

Крылатая тень самолета то скользила по лиственничной тайге, то ныряла в овраг, то, отступая, путалась в глубоких кривунах Зеи. А вдали, у края голубого неба, легким облаком маячили заснеженные горы.

Они как бы надвигались на нас, росли, ширились, становились все более величественными. Это был восточный край Станового хребта.

— Трофим Васильевич, начинается наша вотчина! — крикнул Хетагуров Пугачеву. — Посмотрите-ка, что за причуды, какая красота!

— Смотрю и дивлюсь. Тут, кажется, сам черт ногу сломит, — ответил тот, не отрываясь от бокового окошка.

— Есть где разгуляться молодцу, — пошутил Лебедев.

С высоты трех с половиной тысяч метров был хорошо виден Становой. Слева, справа и впереди лежали угрюмые цепи гор, уходившие в необозримое пространство. Хребет разворачивался перед нами грандиозной панорамой.

Машина набирала высоту. Но надвигавшиеся горы все еще заслоняли дальний горизонт. Становой хребет там, где он кончается, достигает наибольшей высоты и имеет совершенно дикие очертания. Нас встречали остроглавые вершины, то появляющиеся, то исчезающие за крылом самолета. Всюду виднелись пропасти, нагромождения скал, отвесные стены, окружавшие цирки.

— Тропа!.. — закричал кто-то, припадая к окну.

Внизу показалась узкая полоска взбитого снега — это действительно тропа. Она шла по каменистому гребню наверх, вилась по крутым откосам и терялась среди отвесных скал. Затем снова появлялась на вершине остроглавого утеса. Мы были озадачены. Кто проложил ее среди каменных громад?

Самолет плыл низко над хребтом, отчего гул моторов становился сильнее. Вдруг на снежной полоске, окаймляющей сверху обрыв, появилось вспугнутое стадо крупных зверей светло-желтой масти. Животные бросились к откосу, но почему-то круто повернули обратно и, рассыпавшись, исчезли среди скал. Я успел лишь заметить, что все они были с толстыми рогами. Это, вероятно, снежные бараны, они и проторили тропы по горам.

Становой хребет оборвался так неожиданно, что мы не успели рассмотреть его северные склоны. Самолет стал разворачиваться, изменяя направление. Из-под правого крыла показалась всхолмленная низина — Алданское нагорье. Оно простиралось далеко на север и терялось где-то в мягкой дымке солнечного утра.

Летели долго, кружились над большими озерами и широкими руслами заледеневших рек. Скучно смотреть с высоты на однообразную снежную равнину, то залесенную, то покрытую большими пятнами марей. Ни струйки дыма, ни дорог, ни следов человека. Даже Становой, видневшийся над горизонтом, не освежал пейзажа.

Через час показалось широкое русло Учюра, сдавленное с боков черной тайгой. Машина забирает вправо и идет к стыку трех хребтов: Джугджура, Джугдыра и Станового.

Воздух прозрачен, даль становится доступна глазу. Мы видим, как на широкую заснеженную марь выскакивают два лося. Они не могут понять, откуда шум, бегут навстречу самолету, затем бросаются в разные стороны и исчезают в перелесках.

Машина все ближе подбирается к грозным нагромождениям, заполняющим впереди широкий горизонт. Становой возвышается от нас справа. Продолжая его, тянется дальше, к Охотскому морю, широкая лента Джугджура.

Пролетая приблизительно над границей хребтов, мы увидели истоки реки Маи (Половинная).

К югу от Станового — Джугдырский хребет. Глядишь на его вершины сверху, и кажется, что лежат груды камней, давно приготовленных для какой-то грандиозной стройки. Да и стройка уже началась, но произошло землетрясение. Часть территории осела и заросла лесом, другая же, наоборот, поднялась высоко вместе со стенами начатых сооружений, развалинами башен, глубокими выемками, заваленными обломками.

А вот и река Мая. Глубокой щелью она прорезала горы. Высокие гольцы склонили над ней свои вершины. Каким-то чудом над ущельем удерживаются каменные громады скал. Кажется, дотронься до них, и всей тяжестью своей сорвутся они в бездну.

Тесно Мае в крутых берегах. В бешеной злобе силится она раздвинуть выступы скал, разметать стремительным потоком каменные перекаты, срезать кривуны. Но пока что река не разработала себе сколько-нибудь спокойного русла. Почти треть своего пути Мая течет в тисках высоких гор.

Нас это открытие встревожило. Хаотические нагромождения гор вблизи реки вряд ли позволят нашим подразделениям беспрепятственно передвигаться в этом районе. А миновать его мы не можем и, значит, будем вынуждены столкнуться с препятствиями, преграждающими проходы к этой своенравной реке и ее многочисленным притокам.

Самолет, миновав Джугдыр, повернул на восток к заливу, к Удской губе, где мы должны приземлиться, чтобы заправить машину. Летим над широкой долиной. Местность резко изменилась. Под нами лежали волнистые мари, рассеченные многочисленными речушками и обмежеванные жалкими перелесками. Летом здесь путешественника поджидают гнус, топи и непроходимые болота. Тут все однообразно и, как в пустыне, почти нет ориентиров.

На ледяном «аэродроме» нас встретил заместитель начальника экспедиции Рафаил Маркович Плоткин, прибывший сюда несколько дней назад для организации оленьего транспорта и заброски продовольствия в глубину приохотской тайги. О нашем прибытии ему сообщили из штаба.

— Пошли, пошли, — торопил он нас, — ко мне в палатку, угощу строганиной — пальчики облизете!

Возле палатки стоял готовый в путь олений обоз в пятьдесят нарт, нагруженных мукой, ящиками, тюками. Груз пойдет в горы, в местоположение базы нашей топографической партии.

Рафаил Маркович отдал каюрам последние распоряжения, те покурили, вполголоса поговорили между собой, и обоз цепочкой двинулся на запад.

С моря тянула холодная поземка. Ветер, роясь в снежных сугробах, срывал искристую пыль, уносил куда-то вглубь материка. На берег со скрежетом выпирал лед, сдавленный разыгравшимся морем. Огромные льдины вздымались, глухо падали, потрясая землю.

Морской холодный ветер звонко трепал борта палатки, но внутри было тепло. Нас действительно тут поджидали: на свежей еловой хвое, устилавшей пол, стояли сковородка жареной наваги и огромная эмалированная чашка кетовой икры, пересыпанной завитушками тонко нарезанного лука. На раскаленной печке доваривалось мясо, распространяя аппетитный запах какой-то острой приправы. Мы стали размещаться.

— Посмотрите, на что способно Охотское море, — похвалился Плоткин, показывая крупную кету величиной с хорошую семгу. — Редкий экземпляр, к тому же свежий.

— Кирилл Родионович имеет возможность блеснуть своим талантом, — сказал Хетагуров, усаживаясь на пол и по-кавказски подбирая под себя ноги.

— Это вы насчет строганины? Можно. Но оговариваюсь: если не получится — не обижайтесь. Я ведь знать не знаю, с головы стружат рыбу или с хвоста. — Кирилл Родионович Лебедев, лукаво улыбаясь, достал из-за пояса увесистый нож уродливой формы и добавил: — Не пугайтесь, нож собственной конструкции.

Он ловко отрубил у кеты голову, хвост, содрал со спины кожу, и в чашку полетели тонкие, словно хрустальные, стружки розовой мякоти. Они на лету свертывались в трубки. Их обрызгивали уксусом и посыпали черным перцем.

— Настоящая строганина должна быть с хрустом, что хворост. Мы ее сейчас выставим на мороз, пусть крепнет... — Лебедев, приподняв борт палатки, высунул чашку со стружками на холод.

— Опять ждать? Я больше не согласен. Да и к чему такая жертва? Начнем с наваги! — послышался из дальнего угла голос начальника партии Нагорных.

— Правильно! — поддержал его Хетагуров. — Ну-ка, наберите мне в ложку икры. Смелость города берет...

— Товарищи! — взмолился Кирилл Родионович. — Минуту терпения, сейчас стружки поспеют!

И как бы в доказательство за палаткой что-то аппетитно хрустнуло.

— Слышите, лопаются, значит правда спеют... — торжествовал «повар».

Хруст повторился еще и еще, затем кто-то подозрительно чавкнул, зарычал. Хетагуров приподнял борт палатки. О ужас! Две лохматые собаки в жестокой схватке оспаривали свое право на строганину в чашке.

— Ишь вы, проклятые! — взревел не своим голосом Кирилл Родионович, выскакивая наружу.

Собаки отгрызнулись на него и рысцой потрусили в поселок.

— После такого экзотического блюда, как строганина с хрустом, давайте перейдем к чему-нибудь более обыденному. Это надежнее. Предлагаю начинать с мяса, — сказал Пугачев.

За палаткой еще долго чертыхался Кирилл Родионович. Плоткин с грустью смотрел на обрезанный скелет кеты.

Пока завтракали, машину заправили, и вскоре мы снова в воздухе. Летим на восток. Под нами море. Огромные сжатые ветром поля льдов застыли, упираясь в берег. За ними в лучах солнца блестит вода. И где-то уже совсем недалеко видны расплывчатые силуэты островов. Вот они точно ожили, двинулись навстречу, обходя со всех сторон самолет. Машина забирает влево и идет над Феклистым и Большим Шантарским островами. У восточных берегов их властвует шторм. Какая величественная картина — буря на море в солнечный день! От далекого горизонта и до крайних островов все кипит расплавленным серебром. Нельзя смотреть. Разыгравшиеся волны одна за другой разбиваются о выступы скал, дробятся о камни. Постоянная битва двух могучих сил: с одной стороны, упорство скал, с другой — ярость ненасытного моря. словно рать, оберегающая рубеж материка, многочисленные острова уперлись в море неровными крутыми берегами да рифами. Волны лижут их, захлестывают, отступают и снова бешено бросаются на штурм. Куда ни взглянешь, всюду следы разрушений — груды свалившихся камней.

На островах нам не удалось наметить подходящую площадку для посадки самолета, и мы повернули обратно.

Возвращаясь, летели над мелкими островами, расположенными близ материка. Они представляют собой остатки высоких гор, размытых морем, некогда вторгшимся на территорию суши. Среди них есть небольшие островки, сложенные из одних скал, без растительного покрова. Это излюбленные места морской птицы. На них, видимо, и располагаются птичьи базары. Граница суши обозначалась на большом

расстоянии резкой чертой скал, местами высоко поднимающихся над заледеневшим морем.

В шесть часов вечера машина приземлилась.

Ночь провели в штабе. Теперь мы имели некоторое представление о территории предстоящих работ и могли более правильно распределить силы. Пришлось изменить намеченный ранее план, произвести перегруппировку в партиях, усилить более стойкими людьми подразделения, отправляющиеся на Становой и Джугдырский хребты. В район со сложным лабиринтом озер, марями, затажными болотами и предательскими зыбунами был назначен топограф Виктор Харьков, один из опытных наших техников. Работы на реке Мае решено было не развертывать до подробного обследования проходов по ней.

Часть подразделений уже была готова к выходу. Но переброска их задерживалась, пока площадки, намеченные нами при вчерашнем полете, не будут подготовлены к приему тяжелых машин. Эту работу выполняют маленькие самолеты, уже вылетевшие к месту будущих «аэродромов».

Одиннадцатого февраля на железнодорожную станцию Тыгда прибыл наш груз из Тувы. Его сопровождал Василий Николаевич Мищенко, один из старейших работников экспедиции. С ним прибыли и наши собаки Бойка и Кучум. Встречать Мищенко со мною поехал Пугачев.

Когда мы вышли на перрон, у семафора уже появился поезд. Громяхая колесами, паровоз прополз мимо толпы встречающих и остановился за багажной будкой. В тамбуре второго вагона стояли собаки. «Узнают ли они меня?» — мелькнуло в голове. Бойку и Кучума я не видел восемь месяцев.

Я задержался на перроне. Пока выгружали из вагона ящики, тюки, собак привязали к частоколу. Обе они — черные, похожие друг на друга, с белыми пушистыми бровями, светлыми грудками и крапчато-серыми чулками на ногах; согнутые крючком хвосты одинаково лежали на полношерстных спинах. Только Кучум был рослее Бойки. Его длинное, гибкое тело держалось на сильных ногах; морда нахальная, с хитрым прищуром глаз. В схватках с собаками ему достаточно было показать свои острые клыки, как у тех мигом поднималась на загривках шерсть и они заискивающе начинали обнюхивать Кучума, проявляя при этом и уважение и любопытство. Он отличался особой привязанностью к людям. Бойка же была более замкнутой, всегда озабоченной, покорной. В лагере ее не заметно, но возле зверя — не узнать! Работает она напористо, четко, откуда только ловкость берется! В этот момент все собаки подчиняются ей. Но как только минует опасность, она снова уходит в себя, становится тихой, ласковой и незаметной.

Возле собак, словно из-под земли, появилась шумная ватага мальчишек. Они показывали на Бойку и Кучума, боязливо приседали возле них, заглядывая в глаза, жестикулировали и о чем-то азартно спорили.

Через частокол к ним перелез еще один парнишка, несколько постарше, лет одиннадцати, с коньками подмышкой. Увидев его, мальчики притихли, а тот с достоинством судьи осмотрел Кучума и Бойку, а затем, порывшись в кармане полушубка, достал что-то съедобное и бросил собакам. Что он сказал товарищам, я не слышал, но те замахали руками, зашумели, как вспугнутая стая воробьев, и стали все разом что-то доказывать ему.

Я стоял поодаль, не зная, как напомнить о себе собакам. Но вот по перрону пролетел легкий, едва уловимый ветерок. Собаки встревожились, мгновенно повернули морды в мою сторону и настороженно замерли. Ветерок набрасывал на них запах мазута, дыма, сосновых досок, краски, сухой травы и сотен людей, находившихся возле поезда.

Что же встревожило Бойку и Кучума?

Несомненно, они обнаружили мое присутствие. Каким чутьем надо обладать, чтобы среди стольких разнообразных запахов уловить один, да еще после такой длительной разлуки!

Я не выдержал и медленно зашагал к ним. Бойка и Кучум встопорились. Они тянулись к каждому прохожему, обнюхивали, виляли хвостами. Наконец, увидев меня, подняли визг и лай.

Я обнимал их, что-то говорил, они лизали мне руки, прыгали, лаяли. Только люди, которых собаки не раз выручали из беды, могут до конца понять, как дорога была мне эта встреча с четвероногими друзьями.

Затем я подошел к Василию Николаевичу, которого тоже не видел давно. Это была первая длительная разлука за годы совместных скитаний по тайге. Мы обнялись, долго трясли друг друга.

Мальчишки отступили от собак, прижались к решетке и недоуменно смотрели на меня.

— Дядя, а дядя, это ваши собаки? — вдруг спросил самый бойкий и, пожалуй, самый маленький из них, сдвигая на затылок ушанку и поправляя висевшую на ремне чернильницу.

Известно, что от ребят не так просто отделаться, если возник у них важный вопрос.

— Алешка спорит, что эти собаки — овчарки, а мы говорим: у тех уши длинные, а эти — ездовые. Правда?..

— Чего ты мелешь — «ездовые, ездовые»! — перебил его мальчик с коньками. — Посмотрите, у них над глазами белые брови. Говорю — овчарки! Только не немецкие, а те, что овец караулят. Я видел на картине.

— У тех овчарок и морда на тебя, Алеха, похожа! Только под носом у них суше, — заметил кто-то, и все рассмеялись.

— Не спорьте, это обыкновенные сибирские лайки, — сказал я, желая помирить ребят.

— Я же говорил — охотничьи! — опять вмешался в разговор самый маленький. — У тяти была такая собака, Балетка. Она хорошо утят ловила. А ваши, дядя, на кого охотятся?

— Они утят не ловят и вообще птиц не трогают, их дело — медведи, сохатые. Случается, что мы их и запрягаем.

— А куда вы их везете? — спросил Алешка.

— В экспедицию.

— А-а-а... — вдруг пропели все в один голос.

Это слово совершенно неожиданно произвело на мальчиков магическое действие. Очевидно, экспедиция, по их мнению, — это беспрерывная охота на диких зверей, ночевки у костра, необыкновенные приключения, где можно проявить героизм или найти неслыханные сокровища. Ребята переглянулись и с любопытством принялись рассматривать нас, забыв о споре.

Когда мы начали перетаскивать багаж с перрона к машине, опять подошел тот же малыш, что первый спросил о собаках, и умоляюще посмотрел мне в лицо.

— Дяденька, дайте я до машины доведу одну собаку, — сказал он почти шепотом и пугливо взглянул на ребят.

— Как тебя зовут?

— Андреем.

— Какая же из собак тебе больше нравится?

— Этот, лохматый. — И он кивнул головой на Кучума.

— Ладно, бери, только не упусти.

— Нет, вы дайте сами, а то отнимут.

Не успел я передать ему Кучума, как возле Бойки завязалась чуть ли не драка. Человек пять, толкая друг друга, хватались за поводок, кричали. Кто-то сильно толкнул веснушчатого парнишку, тот упал на решетку, но поводок из рук не выпустил. Послышались угрозы, однако уступить собаку никто не хотел. Бойка же, не понимая, что случилось, рвалась к выходу. Пришлось вмешаться.

Ребята помогли нам грузить вещи. Когда мы уже были готовы тронуться в путь, меня кто-то потянул за рукав. Я оглянулся. Опять Андрей. Он прижался ко мне, прячась от остальных.

— Дядя, а со скольких лет берете в экспедицию? — спросил он и покраснел.

— Тебе еще рано об этом думать.

— Ну и что ж, что рано? У меня есть старший братишка, может, он поедет. Это все равно...

— Ребята, Андрюшка в экспедицию записывается, собак будет на медведя травить! — закричал Алешка, подслушавший наш разговор.

— Слабо, мать одежду не даст! — крикнул кто-то из толпы.

— А я и так уеду, — ответил Андрей и опять шепнул мне: — Дядя, доведите до поворота!..

На глазах у всех ребят я помог ему влезть в кузов.

— Прощайте! — пропищал тоненьким голоском Андрей. — А ты, Алешка, бери одежду и приезжай ко мне в экспедицию.

Машина тронулась. Мальчишки так и остались стоять на привокзальной площадке, ошеломленные отъездом Андрея; никто из них не вымолвил ни слова, хотя у всех от удивления раскрылись рты.

За поворотом наш герой выскочил из машины, побежал к перекрестку и стал выглядывать из-за угла, радуясь, что ему удалось так ловко подшутить над товарищами.

Со мною в кабине сидел Кучум. Я не мог налюбоваться им. За восемь месяцев разлуки он здорово вырос, оделся в лохматую шубу. Ему всего два года. Он еще не был по-настоящему в схватках с медведем, не участвовал в драках с собаками. У него все впереди. Но в его собачьей фигуре, походке, даже во взгляде видна была взрослая зверовая лайка уже сейчас.

Пока машина пересекала стокилометровое лесное пространство между станцией Тыгда и рекой Зея, я вспоминал необычную историю рождения Кучума.

Летом 1947 года наша экспедиция работала в горах Большого Саяна, в северо-восточной части Тувинской автономной области. Мы составляли карту этого малоисследованного района. Нам пришлось посетить места, куда редко заходил человек, где среди первобытной природы живут никем не пуганные звери.

Караван шел медленно, проделывая замысловатые петли среди горных нагромождений. Мы то карабкались по россыпям, взбираясь на хребты, то пересекали альпийские луга или бесшумно шагали по молчаливому кедровому лесу, усталенному зеленым мхом. Пожалуй, нигде нет таких больших, бесконечных кедровых лесов, как именно там, на юге Сибири. Погружаясь в эту молчаливую лесную чашу, мы невольно испытывали чувство подавленности при виде могучих великанов, сомкнувших над нами свои жесткие кроны.

Мы двигались по реке Систиг-Хем, надолго задерживаясь в местах сложного рельефа, требовавшего подробного геодезического обследования. Вместе с нами шла Бойка. Она готовилась стать матерью, и мы не знали, что будем делать со щенками: возить их с собою не могли, выбросить — жаль было Бойку: она отличалась необычайной привязанностью к своим детям.

И вот однажды утром, когда, свернув лагерь, должны были двинуться дальше, мы не обнаружили Бойки.

— Куда она делась? Хотел покормить — не нашел. Не иначе щениться ушла, — беспокоился наш проводник Василий Николаевич, больше всех любивший эту собаку.

Мы кричали, обыскали лес возле лагеря, стреляли, и все напрасно — собака не появлялась.

— Проголодается — придет, никуда не денется. Напрасно ты так уж беспокоишься, — уговаривал я не на шутку расстроенного Василия Николаевича.

— Нет, не придет, зря так думаете. Бойка прячет щенят от нас, она понимает, что мы их оставим... Искать надо, иначе потеряем собаку, — говорил он, все поглядывая на лес: не появится ли оттуда Бойка?

— Нашли о чем горевать — о собаке! Да зверь ее задери! — сердито сказал конюх Прохор, нервно посапывая трубкой.

— Нет у тебя, дедка, и капельки жалости! Что плохого сделала Бойка? — с укором спросил его Василий Николаевич.

— Собака, так она собака и есть, непутевая тварь. Ехать надо, а ей, вишь, приспичило! — ворчал Прохор, как скрипучая лесина в непогоду.

Дед Прохор конюшил у нас первый год. Он был на загляденье дородный старик, лет шестидесяти пяти. В облике этого человека было что-то первобытное. Матушка тайга вскормила его тяжелым трудом — в погоне за соболем, на валке леса, на сплаве по порожистым рекам, — и к старости он сам стал похож на огромный сутулый пень. И как ни странно, этот человек, проживший свой век в тайге, не любил собак. Кости обглоданной не бросит им, так и норовит дать пинка. Недолюбливали его и собаки. На что у Бойки ласковый характер — она, бывало, и близко к нему не подойдет, все косится, как на чужого.

Так мы в тот день и не уехали — решили обшарить всю местность по обе стороны Систиг-Хема.

Тайга, окружавшая лагерь, была завалена валежником, обросла папоротником, дикой смородиной. Что ни дерево — то убежище: тут и чаща и бурелом. Разве можно найти в таком лесу намеренно спрятавшуюся собаку? Мы искали весь день. Бойка, безусловно, слышала наши голоса и шаги, но ничем не выдавала себя.

Что же делать? Задерживаться дальше нельзя — стоит хорошая для работы солнечная погода, — но и бросить собаку в таком положении жестоко. После долгих размышлений все же решили ехать. А Василий Николаевич остался.

— Без пищи Бойка проживет несколько дней, она ведь собака, а вот без воды не может, тем более со щенками. Непременно выскочит к реке. Я ее тут и подкараулю. Или увижу след... — рассуждал Василий Николаевич.

Утром рано мы покинули стоянку.

Мы должны были организовать свой лагерь километров двадцать ниже устья Чапши, на берегу Систиг-Хема, в углу небольшой поляны, возвышающейся над руслом реки. Здесь нам необходимо было задержаться на несколько дней, чтобы обследовать ближайшие вершины гор. Погода как нельзя лучше благоприятствовала работе, и мы на второй день утром, не дождавшись Василия Николаевича, ушли на хребет.

Нас не покидали мысли о Бойке. Мы тайне считали собаку потерянной: она не бросит щенят, да и не найти ей нас в этой горной тайге, где нет ни конца ни края! Еще можно допустить, что Бойка вернется своим следом на Казыр к рыбакам, но при мысли, что с ней щенки, и эта надежда пропадала.

Случай был необычный, вызвавший у нас много споров и размышлений. Мы считаем собаку, как и других животных, неразумным существом и многое в ее поведении относим за счет врожденного инстинкта, то есть бессознательного действия. Однако кому, скажем, не приходилось удивляться смысленности собак в момент поиска зверя, в схватке с медведем, при распутывании ими следов! И тогда невольно хочется верить, что собакой руководят не только инстинкт или рефлекс, — вероятно, в природе животных есть что-то еще, не разгаданное человеком.

Вернувшись через три дня в свой лагерь, мы не нашли там Бойки. Нас встретил Василий Николаевич. Достаточно было взглянуть на его лицо, чтобы угадать, чем кончились поиски собаки.

— Как вы уехали, Бойка действительно вышла к реке на водопой, — рассказывал он. — И нужно же было мне окликнуть ее! Даже не взглянув, исчезла. Одичала, что ли? Я ведь еще на день задержался там, весь кедровник обшарил — как провалилась! И откуда это несчастье взялось?

— Не печалься, Василий. Придется другую собаку заводить, — успокаивал я его.

— Да вы что? Неужто бросим ее, да еще со щенками, на голодную смерть? Ведь она же мать! Надо задержаться. Бойка в долгу не останется. Ей-богу, не останется!

Он окинул всех нас беспокойным взглядом и, не получив ответа, прошептал тихо, как бы сам себе:

— Ну что ж, не хотите дожидаться, я останусь один...

Через два дня мы закончили работу на Систиг-Хеме и собирались уйти боковым ущельем на запад, к реке Ут. Теперь уже никто не надеялся, что Бойка придет к нам. Но Василий Николаевич твердо решил идти искать ее и догнать нас на реке Ут.

Помню как сейчас последний вечер в лагере. Догорали костры. Шумел ворчливый Систиг-Хем. Люди уже спали. Я вышел из палатки, чтобы перед сном взглянуть на небо: не грозит ли оно непогодой? На утро был назначен поход.

Молчаливо надвигалась ночь. Теплыми огнями переливалось небо. Засыпал огромный край, не преодолев истомы жаркого дня. Различная ночная живность заполняла сумрак таинственным оживлением. А там, где только что погас румянец зари, народилось темное облако. Оно росло, расплзалось, затягивая небо. По лесу вдруг пробежал сдержанный шепоток, пугливо пронеслась неизвестная птица, бесшумно взмахивая в воздухе крыльями.

Вернувшись в палатку, я долго читал, не переставая прислушиваться к неясным звукам надвигающейся непогоды. А ветер нет-нет да и прорвется, хлестнет по вершинам притихших деревьев. Далеко сквозь тьму затажно поблескивала молния, бросая на палатку мигающий свет.

Но вот из тайги дохнуло сыростью, перестали кормиться кони, все на минуту замерло. Одинокий комар пропел последний раз свою песню и упал на разгоревшееся пламя свечи. Я хотел подняться, чтобы застегнуть палатку, как вдруг темный свод неба над лагерем разорвался и молния, разгребая мрак ночи, осветила грозные контуры туч. Гроза чесанула по краю скалы, ухнул, словно в испуге, лес, и холодные капли дождя забарабанили по брезенту. Разразился ливень. Удары грома потрясли горы. Ветер загасил свечу.

До слуха донесся странный звук, будто кто-то стряхнул с себя влагу. Затем я услышал, как в темноте раздвинулись борта палатки, и этот кто-то медленно приблизился ко мне. Я ощутил на себе теплое дыхание, и какой-то маленький комочек, холодный и липкий, упал мне на руку.

— Бойка, — шепнул я неуверенно.

По брезенту скользнула молния, на миг осветив собаку.

— Василий, Бойка пришла! Слышишь, Василий? — крикнул я, ища вокруг себя спички.

Удары грома глушили мой голос. Я зажег свечу, разбудил Василия Николаевича. Собака дрожала от холода и беспрерывно встряхивалась, обдавая нас холодной водяной пылью.

— Мать пришла... На кого же ты, бедняжка, похожа!.. — протянул нараспев Василий Николаевич.